ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Семантико-прагматическая обусловленность конкретизации и генерализации при переводе военно-публицистических текстов (на материале немецкого языка)

Цепков И. В.

Аннотация. В статье на материале немецкого языка рассматриваются семантико-прагматические особенности перевода военно-публицистических текстов. Цель данного исследования – выявление факторов, влияющих на выбор переводческих трансформаций «конкретизация» и «генерализация» в военно-публицистических текстах. Научная новизна состоит в определении корреляции между семантическими характеристиками немецкоязычной военно-публицистической лексики, её широкозначностью (эврисемией) и выбором переводческих преобразований при её передаче на русский язык. На практическом материале установлена степень конкретизации или генерализации полученного эквивалента от актуализированного в контексте денотативного содержания исходной единицы. Автор уточняет роль фоновых знаний переводчика как фактора выбора переводческого решения. Результаты исследования продемонстрировали, что: 1) выбор соответствия определяется не столько прямым словарным значением, сколько актуализируемым денотативным содержанием, коммуникативной ситуацией и фоновыми знаниями переводчика; 2) увеличение семантической неопределённости исходной номинации повышает роль интерпретации при выборе эквивалента; 3) трансформации «генерализация» и «конкретизация» взаимно дополняют друг друга: первая реализует экспликацию релевантных компонентов содержания денотата, в то время как вторая снимает избыточную детализацию; 4) фоновые знания переводчика являются необходимым условием адекватной передачи культурно маркированной и широкозначной лексики.

EN

Semantic and pragmatic conditioning of specification and generalization in translating military journalistic texts (based on German)

I. V. Tsepkov

Abstract. The article examines the semantic and pragmatic features of translating military journalistic texts from German. The purpose of the study is to identify the factors influencing the choice of the translation transformations of specification and generalization in such texts. The scientific novelty lies in establishing a correlation between the semantic characteristics of German military journalistic vocabulary, its broad semantic range (eurysemy), and the choice of translation transformations when rendering it into Russian. Based on practical material, the study determines the degree of specification or generalization of the resulting equivalent in relation to the denotative content of the source unit actualized in context. The author clarifies the role of translators' background knowledge as a factor in selecting a translation solution. The results demonstrate that: (1) the choice of an equivalent is determined not so much by the direct dictionary meaning as by the denotative content actualized in context, the communicative situation, and the translator's background knowledge; (2) increasing semantic uncertainty of the source nomination enhances the role of interpretation in selecting an equivalent; (3) generalization and specification are mutually complementary transformations: the former explicates relevant components of the denotative content, whereas the latter removes excessive detail; and (4) the translator's background knowledge is essential for adequately conveying culturally marked and broad-meaning vocabulary.

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/phil20260511**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

Для XXI века характерна постоянная специализация человеческой деятельности и знаний, что закономерно повышает значение работы переводчика в условиях глобального мира, растущей цифровизации и интенсивного межкультурного взаимодействия. Государства, крупные международные компании и обычные люди ежедневно обмениваются информацией в возрастающих объёмах. В этих условиях перевод является не только средством передачи текста с одного языка на другой, но и неотъемлемым инструментом взаимопонимания между лингвокультурными сообществами.

Одним из факторов, который и дальше будет определять значимость перевода, выступает, конечно, глобальная экономика. Международная торговля, транснациональные корпорации, а также мировые финансовые рынки требуют точной языковой коммуникации, а ошибки в переводе контрактов или технической документации способны привести к серьёзным экономическим потерям. Не менее существенен вклад перевода в развитие образования и науки. Результаты как прикладных, так и фундаментальных исследований публикуются на разных языках, а перевод научных статей, монографий, учебных материалов способствует распространению знаний за пределы одного языкового сообщества.

Стратегическое значение переводческая деятельность приобретает в сфере дипломатии и международных отношений, где от точности передачи смысла оригинала нередко зависят успех переговоров и доверие между партнёрами. Переводчик становится здесь посредником не просто между культурами, а между политическими системами, что требует от него не только высокой языковой подготовки, но и обладания широкими экстралингвистическими компетенциями. Особое место занимает и культурная составляющая переводческой деятельности. Перевод кинофильмов, художественной литературы и медиаконтента в целом способствует установлению и развитию диалога культур, позволяя национальным традициям выходить за пределы языковых границ.

Бурное развитие цифровых технологий, прежде всего систем искусственного интеллекта и машинного перевода, облегчило работу с большими объёмами текстов, однако не снизило востребованности профессионального переводчика. Следует подчеркнуть, что в условиях растущей автоматизации процессов возрастает потребность в специалистах, способных обеспечить стилистическую адекватность и учёт культурного контекста там, где алгоритмический перевод оказывается недостаточным, – в художественных текстах, дипломатии и узкоспециализированной профессиональной коммуникации. Социальная значимость перевода значительно усилилась в связи с миграционными процессами: переводчики обеспечивают доступ к медицинским, юридическим и социальным услугам (в рамках системы коммунального перевода – Kommunaldolmetschen), способствуя защите прав лиц, столкнувшихся с языковым барьером.

Таким образом, переводческая деятельность в XXI веке стала основополагающим элементом глобального взаимодействия, обеспечивающим коммуникацию между государствами, их экономиками и культурами.

Выбор материала и актуальность исследования продиктованы сложной международной обстановкой, характерной чертой которой на сегодняшний день является геополитическое противостояние США с Китаем и Ираном. Геополитическая стратегия Соединённых Штатов во многом определяется противостоянием с государствами, претендующими на самостоятельную роль в международной политике, среди которых особое место занимают Иран и КНР. Несмотря на различие масштабов и регионов влияния оба противостояния объединяет стремление Вашингтона сохранить глобальное лидерство в условиях формирующегося многополярного мира.

Нельзя не отметить и нарастающую напряжённость в Европе, вылившуюся в военный конфликт между РФ и Украиной. Сложный характер международной обстановки не мог не отразиться на вербализации соответствующих экстралингвистических событий. Такие лексемы и словосочетания, как *Drohnenabwehr (защита от дронов)*, *Drohnenpilot (оператор дрона, оператор БПЛА)*, *Drohneneinheit(en) (подразделения БПЛА)*, *fpv-Drohne (fpv-дрон)*, *das gläserne Gefechtsfeld (прозрачное поле боя)*, *Festungsgürtel (пояс крепостей)*, *Initiative BRAVE I (украинская государственная платформа по развитию военных технологий и технологий двойного назначения)*, *unbemannter Kampfroboter (НРК – наземный роботизированный комплекс)*, прочно вошли в военно-публицистический дискурс.

Таким образом, данные факторы обусловили возрастающую роль военно-публицистических текстов в современном мире и необходимость их адекватного перевода на русский язык. Особую сложность здесь представляет передача широкозначной лексики, в особенности той её части, которая несёт терминологическую функцию. На выбор адекватных эквивалентов для последней влияют не только контекст и фоновые знания, но и асимметрия терминосистем исходной и принимающей культур. Совокупность названных причин определила выбор практического материала и анализируемых в статье примеров.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить характерные черты военно-публицистического текста; установить место прагматики при переводе таких текстов на русский язык; выявить на уровне лексики конкретные переводческие трудности и предложить пути их преодоления.

В основу работы легли методы контекстуально-семантического и контекстуально-прагматического анализа, используемые для установления значения немецкоязычной лексической единицы в конкретном контексте, анализа коммуникативной ситуации и прагматической функции высказывания, сопоставительный анализ, используемый для непосредственного сопоставления исходной немецкой единицы с её русским словарным соответствием, компонентный анализ, применяемый для раскрытия семантических механизмов выбора между генерализацией и конкретизацией в переводе, а также переводческий анализ, направленный на выявление и классификацию переводческих трансформаций.

Материалом исследования послужили газетные статьи “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, статьи из немецкого журнала “Wegweiser durch die Bundeswehr”, а также интервью с немецкоязычными экспертами на канале ZDF.

Теоретической базой исследования выступил комплексный анализ литературы по проблематике исследования, семантическая модель Л. С. Бархударова (2008), перевод в которой – процесс преобразования содержания оригинала средствами переводящего языка, что позволяет рассматривать конкретизацию и генерализацию как способы семантической реконструкции оригинала; теория «скопос» К. Райс (Reiss, 1978), К. Райс и Г. Й. Вермеер (Reiss, Vermeer, 1984), постулирующая функциональную обусловленность переводческих решений; труды М. Я. Цвиллинга (2004; 2006) и В. Н. Комиссарова (1973; 2013) о прагматической обусловленности переводческих решений; М. П. Брандес (2009; Брандес, Провоторов, 2006) о вторичной природе перевода, в основе которого лежит процесс распредмечивания оригинала; работы В. Вильса (Wilss, 1977; 1988), рассматривающего генерализацию как тактику преодоления лексических трудностей в переводе; Р. Штольце (Stolze, 1989) о роли лексикографии в переводческой деятельности; теоретические положения В. Г. Гака, Б. Б. Григорьева (2013) и И. А. Сёминой (2013) о широте семантического объёма лексической единицы и зависимости её конкретного содержания от контекста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в профессиональной переводческой деятельности при работе с военно-публицистическими текстами. Предложенные подходы способствуют повышению точности и адекватности передачи содержания оригинала с учётом прагматических факторов. Материалы статьи могут использоваться при обучении переводчиков, разработке учебных курсов по теории и практике перевода, немецкой лексикологии, а также при подготовке специалистов в области межкультурной и военно-политической коммуникации.

Обсуждение и результаты

Характерные черты военно-публицистического стиля как фактора перевода

Публицистический стиль объединяет тексты политической направленности, отражающие актуальные общественно-политические процессы через их оперативное и документально точное описание, основанное на интерпретации и эмоционально окрашенной оценке. Политическая информация охватывает факты, события и явления общественно-политической жизни, нередко затрагивая смежные области, в частности военную сферу. Эмоционально-экспрессивная функция реализуется через их открытую оценочность, где сам оригинал транслирует авторскую позицию (Брандес, Провоторов, 2006, с. 75, 76), что находит отражение, например, в использовании форм сослагательного наклонения для передачи косвенной речи или предположения:

Auch John Bolton, Trumps Sicherheitsberater, warnt schon seit Jahren, dass der Vertrag die Vereinigten Staaten einseitig gegenüber Peking ins Hintertreffen bringe (Diskussion um INF-Vertrag…). / *В том числе и Джон Болтон, занимавший пост советника Дональда Трампа по национальной безопасности, на протяжении многих лет предупреждает, что данный договор ставит Соединённые Штаты в заведомо невыгодное положение по отношению к Пекину. Размещение новых американских* ***ракет средней и меньшей дальности*** *в Восточной Азии – как полагают некоторые представители политических кругов в Вашингтоне – могло бы обеспечить США решающее стратегическое преимущество в соперничестве с Китаем* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – *И. Ц.*).

Как отмечает В. Н. Комиссаров (2013, с. 215), прагматическая составляющая перевода теснейшим образом связана с жанром исходного текста и характеристиками его адресата. Ядро газетно-публицистического стиля образует книжно-обиходная речь – синтез лексики и синтаксиса различных стилей с частичным сохранением или утратой их исходной окраски. Книжный характер обусловлен тем фактом, что передаваемая информация носит целостный и структурированный характер (Брандес, Провоторов, 2006, с. 75, 76). Среди разновидностей данного стиля можно выделить информационно-аналитическую и газетно-научную, ориентированные на широкую аудиторию, в том числе и неспециалистов, стремящихся понять закономерности общественно-политической жизни (Брандес, Провоторов, 2006, с. 94, 95).

Значимость стилистических характеристик исходного текста для транслятологии отражена, в частности, в классификации К. Райс и Г. Й. Вермеера, выделявших тексты, ориентированные на содержание (inhaltsbetont), форму (formbetont) и аудио-медиальные тексты (audio-mediale Texte) (Reiss, 1978, S. 37-39, 47, 52). В рамках смежной классификации различаются тексты с информативной (informative), экспрессивной (expressive) и оперативной (operative) функциями (Reiss, Vermeer, 1984, S. 157, 158). Последняя направлена на побуждение адресата к действию. Военно-публицистические тексты, на наш взгляд, совмещают информирование с воздействием на аудиторию, что определяет их целевую доминанту и служит отправной точкой при выборе переводческой стратегии.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что военно-публицистический стиль во многих своих чертах близок к публицистике с той лишь разницей, что адресат представлен прежде всего военнослужащими (специалистами предметной области) и только потом широким кругом реципиентов. Реципиентом переводных текстов военно-публицистического стиля будет всё же более узкий круг лиц, пристально следящих за военной повесткой в мире (Банман, 2025, с. 6).

Вслед за П. П. Банман (2025, с. 6, 9) и Б. Л. Бойко (2022, с. 11) мы рассматриваем военно-публицистические тексты как дискурсивные единицы с высокой информационной плотностью. Наличие в них значительного

пласта понятий военного дела и технических терминов позволяет отнести их к текстам со средней и высокой степенью терминологизации.

Прагматика как фактор переводческих трансформаций в публицистических текстах

Прагматический аспект перевода не сводится к прагматическому значению отдельных языковых единиц. Речь идёт о несовпадении фонда знаний коммуникантов, обусловленном их языковым и внеязыковым опытом, то есть фоновыми знаниями, которые во много предопределяют интерпретацию как исходного, так и переводного тестов. Учёт этого фактора закономерно рассматривается как одно из ключевых условий адекватности перевода (Бархударов, 2008, с. 125). Данное положение подтверждается на примере из статьи "Iran bereitet sich technisch auf Scheitern des Atomdeals vor" из *faz* (Frankfurter Allgemeine Zeitung):

Sollte das Atomabkommen scheitern, will Teheran ein ***Zentrifugenwerk*** *innerhalb kurzer Zeit betriebsbereit machen. Vizepräsident Salehi versucht derweil weiterhin, Sorgen zu zerstreuen.*

Dann würde Iran innerhalb eines Monats die ***Zentrifugen-Fabrik*** *Ahmadi-Roschan in Natans im Zentraliran betriebsbereit machen, sagte Ali-Akbar Salehi am Mittwochabend in einem Interview des Staatsfernsehens.*

Das Live-Interview wurde direkt aus dem ***Zentrifugenwerk*** *in Natans übertragen. Dort könnte das Land schnellere Zentrifugen herstellen, die über eine höhere Urananreicherung den Brennstoff für iranische Reaktoren liefern könnten.*

Формально лексемы ***Zentrifugenwerk*** и ***Zentrifugen-Fabrik*** соответствуют значению «завод по производству центрифуг». Однако контекст указывает на город Натанз, где расположен объект по обогащению урана. С учётом этого, более точным вариантом перевода становится «уранообогатительный комплекс». Данный пример иллюстрирует положение М. Я. Цвиллинга (2006, с. 35) о том, что понимание текста невозможно без соответствующих пресуппозиций. Иначе говоря, без знания предметной области перевод невозможен, поскольку даже известные значения не формируют смысла.

В этой связи предложим возможные варианты перевода:

Sollte das Atomabkommen scheitern, will Teheran ein ***Zentrifugenwerk*** *innerhalb kurzer Zeit betriebsbereit machen…* (Iran bereitet sich technisch…). */ Если ядерное соглашение потерпит неудачу, Тегеран намерен в короткие сроки ввести в эксплуатацию* ***уранообогатительный комплекс****.*

Dann würde Iran innerhalb eines Monats die ***Zentrifugen-Fabrik*** *Ahmadi-Roschan in Natans im Zentraliran betriebsbereit machen, sagte Ali-Akbar Salehi am Mittwochabend in einem Interview des Staatsfernsehens.* (Iran bereitet sich technisch…). */ Тогда Иран в течение одного месяца введёт в эксплуатацию* ***уранообогатительный комплекс*** *имени Ахмади-Рошана в Натанзе в центральном Иране», – заявил Али-Акбар Салехи в среду вечером в интервью государственному телевидению.*

Das Live-Interview wurde direkt aus dem ***Zentrifugenwerk*** *in Natans übertragen. Dort könnte das Land schnellere Zentrifugen herstellen, die über eine höhere Urananreicherung den Brennstoff für iranische Reaktoren liefern könnten.* (Iran bereitet sich technisch…). */ Прямая трансляция интервью велась непосредственно с* ***уранообогатительного комплекса*** *в Натанзе. Утверждалось, что страна способна производить более быстрые центрифуги, которые благодаря повышенной эффективности обогащения урана могли бы обеспечивать топливом иранские реакторы.*

В данных случаях можно говорить о функциональных аналогах, возникающих вследствие имплицитной генерализации. Переводчик фактически реконструирует смысл оригинала, эксплицируя скрытые логико-семантические связи (Wilss, 1977, S. 162).

Рассмотрим ещё пример, подтверждающий точку зрения М. Я. Цвиллинга:

Der Bericht des Wall Street Journal spricht auch davon, dass die USA sogenannte ***A 10 Kampfflugzeuge*** *einsetzen würden.*

Das sind Kampfflugzeuge, die eingesetzt werden, um die Angriffe am Boden zu flankieren, Bodenziele direkt oder aus der Nähe anzugreifen.., was dazu dient, eigentliche Truppen am Boden zu unterstützen und im Nahbereich Militärziele zu bekämpfen (USA wollen Irans…). */*

В статье Уол Стрит Джорнал также говорится о том, что США готовятся применить так называемые ***штурмовые самолёты А-10****.*

Это боевые самолёты, применяемые для поддержки наземных атак, нанесения ударов по целям на земле напрямую или с близкой дистанции. Это делается для поддержки главных сил на земле и поражения военных целей в ближней зоне.

Второй абзац отрывка оригинала этого военно-публицистического текста представляет собой дефиницию для самолёта A 10 Kampfflugzeug, так как, с одной стороны, раскрывает содержание этого понятия для более широкого круга реципиентов, желающих понять степень серьёзности конфликта на Ближнем Востоке. С другой стороны, для специалистов косвенно обозначается возможный спектр мер, которые могут предпринять США в данном регионе. Проиллюстрируем это примерами ниже:

Angriffe am Boden flankieren – поддерживать наземные атаки;

direkt oder aus der Nähe angreifen – наносить удары по целям на земле напрямую или с близкой дистанции;

am Boden unterstützen – поддерживать на земле;

im Nahbereich Militärziele bekämpfen – поражать военные цели в ближней зоне.

Если обратиться к определению самолёта штурмовой авиации (Плехов, Шапкин), то мы увидим, что это машина, обладающая следующими существенными признаками: военный самолёт, предназначенный для непосредственной поддержки сухопутных войск на поле боя. Его основная задача – это уничтожение наземных целей (техники, в том числе и тяжёлой, укреплений, а также живой силы противника) на малых высотах

и в условиях активного противодействия. Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что в оригинале речь идёт именно о штурмовике A 10 ВВС США.

Общепринято считать, что язык и культура неразрывно связаны. Язык принадлежит определенному сообществу, однако в то же время способен функционировать в различных культурных контекстах, что подтверждается существованием полинациональных языков. При этом значительная часть языковых средств нейтральна, тогда как другая отражает культурную специфику: реалии, терминология, фразеология, нормы речевого поведения (Кабакчи, 1990, с. 31, 32). Таким образом, слово не только выполняет номинативную функцию, но и несёт в своём плане содержания национально-культурную специфику (Чиркин, Шляховой, 2022, с. 71). Рассмотрим пример с лексемой Führer:

Die Herstellung von Massenvernichtungswaffen sei vom Islam wie von einem Dekret ***des iranischen Führers*** *grundsätzlich verboten* (Iran bereitet sich technisch…).

Исторически слово “Führer” имело нейтральные значения: лидер/руководитель, проводник, гид, командир (Großwörterbuch Deutsch…, 2003, S. 381). Однако после Второй мировой войны в политическом дискурсе оно нередко приобретало ярко выраженную негативную коннотацию. Тем не менее в примере выше мы видим употребление данной лексемы, где она используется в значении «лидер»:

Производство оружия массового уничтожения запрещено исламом, а также – в соответствии с декретом ***иранского лидера*** *– в принципе недопустимо*.

Немецкой лексеме “Führer” функционально соответствует персидское слово «рахбар», которое обозначает высшую государственную, политическую и религиозную должность в Исламской республике Иран. Это слово тоже означает «лидер», «вождь», «руководитель». Тогда альтернативный вариант мог бы выглядеть так:

Производство оружия массового уничтожения запрещено исламом, а также – в соответствии с декретом ***рахбара*** *– в принципе недопустимо*.

Продолжим анализ этого примера: “Dekret” – «декрет», «указ» в контексте государственного устройства Ирана можно, на наш взгляд, передать словом «фетва» – богословско-правовым заключением по какому-либо вопросу, выносимым лицом с глубокими знаниями исламского права. Следовательно, мы можем предложить ещё один вариант передачи этого отрывка с учётом культурного и политического контекста:

Производство оружия массового уничтожения запрещено исламом, а также – в соответствии с ***фетвой рахбара*** *– в принципе недопустимо*.

Этот пример демонстрирует важность учёта не только словарного значения, но и социокультурной специфики употребления (Stolze, 1989, S. 60).

Л. С. Бархударов (2008, с. 126) подчеркивает, что прагматический фактор особенно значим при переводе безэквивалентной лексики. Однако здесь точнее говорить о «безденотатности» по отношению к принимающей культуре, поскольку эквиваленты в силу принципиальной познаваемости окружающего мира могут быть созданы за счёт различных переводческих приёмов (Комиссаров, 1973; Цвиллинг, 2004).

В этом контексте отдельного внимания заслуживает явление широкозначности, под которым понимается способность одной лексемы охватывать значения нескольких слов переводящего языка (Гак, Григорьев, 2013, с. 16). Строго говоря, как пишет И. А. Сёмина (2013, с. 19), можно выделить два типа данного явления: обобщенно-родовой и обобщенно-категориальный. Для нашего исследования релевантным будет первый тип широкозначности. В его основе находится родовое понятие о классе предметов, которое в соответствии с логико-философским обоснованием родовых и видовых понятий является более общим, чем видовое, и лежит в основе имён, называющих отдельного представителя класса предметов. Широта семантики детерминирует наличие у такой лексики свойства синсемантичности, подразумевающего обязательную конкретизацию и уточнение своего содержания при помощи семантики сочетающихся с ней слов, иначе коммуникативная ценность данного слова может сводиться до минимума (Сёмина, 2013, с. 27).

Отметим, что в настоящей работе мы подробно не рассматриваем степень соотнесения широкозначности с интенсионалом и экстенсионалом термина (Татаринов, 2007, с. 132, 136; Суперанская, Подольская, Васильева, 2009, с. 122-126), так как данный вопрос относится к сфере терминоведения.

Тесная взаимосвязь между объёмом понятия и его содержанием приводит к выводу о том, что одним из критериев широты объёма понятия, лежащего в основе значения лексических единиц, может служить некоторая степень «бессодержательности» значения, за которым это понятие закреплено. Однако эта «бессодержательность» понимается как явление относительное, так как абсолютно бессодержательных значений быть не может: здесь речь идёт об определенной степени десемантизированности значения лексической единицы (Сёмина, 2013, с. 25). Указанные выше положения дают нам основания рассматривать такое немецкое существительное, как *Waffe*, в контексте широкозначности его семантики. Следует обратить внимание на то, что данная лексема в большей или меньшей степени обладает такими признаками, как синкретизм, полиденотатизм, синсемантизм, десемантизация и полифункциональность (Сёмина, 2013, с. 29).

В рамках нашего исследования актуален обобщенно-родовой тип широкозначности, связанный с обозначением класса объектов (Сёмина, 2013, с. 19).

Слово *Waffe* в немецком языке обладает более широким диапазоном значений, чем у русского «оружие», и всегда переводить немецкую лексему механически как «оружие» было бы неверным. Причина кроется в исторической базовости и фундаментальности слова *Waffe*. Своим объёмом значения оно охватывает всё, что служит для нападения или защиты. Исходно это не узкотехнический термин, а базовое слово уровня меч – копьё – пистолет – ракета. Таким образом, лексема *Waffe* способна репрезентировать оружие как предмет,

систему вооружения, средство поражения вообще, инструмент борьбы или давления, а также иногда род войск или службу вооружения.

Рассмотрим далее примеры перевода существительного *Waffe*, в том числе и в составе композитов:

*Neue amerikanische **INF-Waffen** in Ostasien – so die Überlegungen einiger in Washington – würden Amerika einen entscheidenden Vorteil im Ringen mit China sichern* (Diskussion um INF-Vertrag…). / *Новые американские **ракеты средней и меньшей дальности** в Восточной Азии –по мнению отдельных кругов в Вашингтоне –обеспечили бы США решающее преимущество в противостоянии с Китаем*.

*Die Entwicklung von neuen **INF-Waffen** durch die Vereinigten Staaten steht und fällt mit der Frage ihrer Stationierung* (Diskussion um INF-Vertrag…). / *Разработка Соединёнными Штатами новых **ракет средней и меньшей** дальности напрямую зависит от вопроса их размещения*.

Приведём ещё пример:

*Auch John Bolton, Trumps Sicherheitsberater, warnt schon seit Jahren, dass der Vertrag die Vereinigten Staaten einseitig gegenüber Peking ins Hintertreffen bringe. Neue amerikanische **INF-Waffen** in Ostasien – so die Überlegungen einiger in Washington – würden Amerika einen entscheidenden Vorteil im Ringen mit China sichern* (Diskussion um INF-Vertrag…). / *В том числе и Джон Болтон, занимавший пост советника Дональда Трампа по национальной безопасности, на протяжении многих лет предупреждает, что данный договор ставит Соединённые Штаты в заведомо невыгодное положение по отношению к Пекину. Размещение новых американских **ракет средней и меньшей дальности** в Восточной Азии – как полагают некоторые представители политических кругов в Вашингтоне – могло бы обеспечить США решающее стратегическое преимущество в соперничестве с Китаем*.

Во всех приведённых примерах немецкая лексема Waffe «оружие» в основном и исходном значении конкретизируется английской аббревиатурой INF, что отсылает нас к Intermediate-Range Nuclear Forces – Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

На практике переводчику могут попадаться и куда более сложные лексемы с данным компонентом. Ниже пример из статьи *“Diskussion um INF-Vertrag: Geht es eigentlich um China?”* из faz (Frankfurter Allgemeine Zeitung):

*Es ist auch richtig, dass China in den vergangenen Jahren massiv in **Bereichsverweigerungswaffen (Anti-Acces / Area Denial)** investiert hat*.

Прямого русского соответствия немецкому термину *Bereichsverweigerungswaffen* не существует, это калька немецких военных аналитиков. Подсказку нам даёт английский военный термин *Anti-Acces / Area Denial*, или *(A2/AD)*, которому в русском языке соответствуют понятия «оружие и системы», предназначенные для:

- недопущения входа противника в район предполагаемых боевых действий (Anti-Access):
- ограничения свободы действий уже внутри данного района (Area Denial).

Словарь Langenscheidt так описывает немецкий глагол *verweigern* в одном из своих значений: *j-m etw. nicht zulassen, das j-d etw. tut < – > erlauben*, а именно, *не допускать, не позволять кому-либо сделать то, что он хочет сделать* (Großwörterbuch Deutsch…, 2003, S. 1132-1133).

Таким образом, мы можем предложить следующие варианты передачи немецкой лексемы *Bereichsverweigerungswaffen*: «средства воспрещения доступа и ограничения манёвра (A2/AD)», «средства/системы ограничения и воспрещения доступа». Поэтому итоговый вариант мог бы выглядеть так:

*Верно и то, что в последние годы Китай активно инвестировал в **средства воспрещения доступа и ограничения манёвра (Anti-Acces / Area Denial)***.

Еще один пример композита, всё чаще встречающегося в военной публицистике:

*Ebenso gilt, dass landgestützte Systeme immer noch ein bisschen präziser sind als **Abstandswaffen** auf Flugzeugen oder Schiffen* (Diskussion um INF-Vertrag…).

Прямой однозначный эквивалент лексемы *Abstandswaffe* в русском языке найти сложно. В зависимости от контекста в качестве её функционально-семантических соответствий могут выступать такие терминологические сочетания, как «дальнобойное оружие», «оружие дистанционного применения», а в более широком смысле – «беспилотные и автономные системы вооружения». Как вариант перевода можно было бы предложить следующее высказывание:

*Также следует отметить, что наземные системы вооружения по-прежнему обладают более высокой точностью по сравнению с авиационными и морскими **средствами большой дальности***.

Этот отрывок подтверждает тот факт, что такое качество слова, как широкозначность, или эврисемия, позволяет в переводе прибегать к конкретизации понятия в трансляте.

Здесь же следует задать вопрос, как соотносятся между собой лексемы *weitreichende Waffe* и *Abstandswaffe*, так как первому термину тоже соответствует понятие «дальнобойное оружие»:

*Und wir sehen jetzt, dass Trump im Prinzip genau an derselben Stelle ist wie damals Biden, nämlich bei der Frage, ob den Ukrainern es erlaubt werden soll, **weitreichende Waffen** wie zum Beispiel vom System Tomahawk einzusetzen* (Der Winter naht!..). / *И теперь мы видим, что Дональд Трамп по сути придерживается той же точки зрения, что и ранее Джо Байден, а именно в вопросе о том, следует ли разрешить украинцам применять **дальнобойные вооружения**, например, системы типа «Томагавк»*.

На наш взгляд, термин *Abstandswaffe* обладает большей широкозначностью, чем сочетание *weitreichende Waffe*, что вынуждает переводчика каждый раз делать выбор между генерализацией и конкретизацией значений в процессе поиска адекватного эквивалента. Таким образом, эврисемия лексемы позволяет переводчику варьировать степень конкретизации.

Подобными характеристиками, что и существительное *Waffe*, обладает, на наш взгляд, и лексема *Fähigkeit,* основное словарное значение которой определяется как «способность». В военном деле семантическое наполнение данной лексемы существенно трансформируется. В военно-политическом контексте Fähigkeit репрезентирует не абстрактную предрасположенность к действию, а оперативно значимую способность и готовность военной системы реализовывать конкретные стратегические и тактические функции. Данный термин покрывает своим значением очень широкий спектр русских соответствий:

1. Способность выполнять задачу – может ли конкретная военная структура или даже государство справиться с определённой миссией или задачей:

Mit der Beschaffung des Raketenwaffensystems „Arrow" aus Israel erhält erstmals Deutschland ***die Fähigkeit****, ballistische Raketen außerhalb der Atmosphäre abzufangen* (Ausrüstung der Luftwaffe…). */ Благодаря закупке израильской зенитной ракетной системы «Эрроу» («Стрела»), Германия получает* ***возможность/способность*** *заатмосферного перехвата баллистических ракет*.

2. Функциональная обеспеченная военная возможность на структурном уровне. Здесь же подразумевается и наличие средств для выполнения задачи.

Аналогичный пример из интервью полковника ВС Австрии Рейснера:

Man sieht, dass beide Seiten versuchen, eine Lösung zu finden. Wie wird auch schlussendlich kommen, vielleicht nächste Woche, vielleicht nächstes Monat, vielleicht in einem Jahr oder in mehreren Jahren, aber es wird auch hier eine Antwort geben an einem kombinierten Einsatz von verschiedenen ***Fähigkeiten*** (Iran-Krieg…). */ Видно, что обе стороны пытаются найти решение. Рано или поздно оно появится – может быть, на следующей неделе, может, через месяц, может, через год или даже через несколько лет. Но и здесь ответ будет найден за счёт сочетания различных* ***средств*** (в австрийском варианте немецкого языка слово Monat может быть и среднего рода. – прим. авт.).

3. Боевая и/или оперативная пригодность в конкретной сфере. Как военная категория данная лексема объединяет в себе ресурсы, подготовку, организацию, применение и итоговый эффект. Таким образом, данный термин в военном деле описывает способность вооружённых сил, рода войск или штаба, той иной системы выполнять определённый вид действий. Это же относится и к целому государству.

Рассмотрим ещё примеры передачи на русский язык этой лексемы в различных контекстах:

…dass die ***Fähigkeiten*** *des Iran nachhaltig beschädigt sind* (Iran-Krieg…). */ …что* ***военный потенциал*** *Ирана был надолго и серьёзно ослаблен.*

Ja, ich denke, es ist rausgekommen, dass die USA ganz generell die ***Fähigkeiten*** *des Regimes unterschätzt haben* (Iran-Krieg…). */ Да, думаю, очевидно, что США в целом недооценили* ***возможности / военный потенциал*** *иранского режима*.

Das heißt, man hat also hier eine große Herausforderung faktisch permanent darauf achten zu müssen, dass man die ***Fähigkeiten*** *des Iran noch wirklich einschränken kann* (Iran-Krieg…). */ Это означает, что здесь фактически возникает большая проблема – необходимость постоянно следить за тем, чтобы по-прежнему удавалось действительно ограничивать* ***возможности*** */* ***военный потенциал*** *Ирана*.

Широкозначность лексемы Fähigkeit носит в военном деле намеренный характер, так как термин позволяет говорить военным чиновникам о технике, личном составе, доктрине, наличии или отсутствии необходимых ресурсов и даже о планирующихся закупках. Для переводчика же это создаёт серьёзную проблему, потому что без контекста очень сложно сказать, о чём идёт речь – способность ли это, потенциал, боеготовность, функция или силы и средства.

Данные примеры демонстрируют многообразие вариантов передачи существительного Fähigkeit на русский язык в рамках немецкоязычных военно-публицистических текстов.

В этом же контексте есть смысл рассмотреть и немецкое существительное *Angriff* – «удар, нападение, наступление»:

Die USA ***haben*** *in den letzten Tagen schwere* ***Angriffe*** *auf die Insel [Khark]* ***geflogen*** (Iran-Krieg…). */ Несколько дней назад США* ***нанесли*** *тяжёлые* ***авиаудары*** *по острову [Харк].*

Не меньшим потенциалом эврисемии обладает и слово *Schwerpunkt* – «суть, сущность, главная/основная задача, приоритет» и др. Проанализируем пример из журнала “Wegweiser durch die Bundeswehr”:

Luftstreitkräfte können über große Entfernungen rasch ***Schwerpunkte bilden***.

На оперативном уровне военного управления авиация как вид вооружённых сил обладает способностью к быстрой переброске и сосредоточению сил на больших расстояниях. Именно в словосочетании *Schwerpunkte bilden* выражена суть тактического применения ВВС, заключающаяся в их способности оперативно переносить точку приложения основных усилий. В примере выше подчёркивается идея мобильности и гибкости данного вида вооруженных сил, который не привязан к одному участку фронта и может оперативно перенацеливать усилия в соответствии с динамикой оперативной обстановки. Наземным же войскам для этого нужно перемещаться маршем или эшелонами. Таким образом, перевод, на наш взгляд, мог бы выглядеть так:

Военно-воздушные силы способны быстро ***сосредотачивать основные усилия*** *на больших расстояниях*.

Или: *Военно-воздушные силы способны в короткие сроки* ***сосредотачивать основные усилия*** *на удалённых направлениях*.

Следовательно, эврисемичность упомянутой лексемы конкретизируется в переводе в словосочетании «сосредотачивать основные усилия», что становится возможным после детального анализа контекста, в котором употребляется лексема “Schwerpunkt”.

Как пишет М. П. Брандес (2009, с. 14), перевод – это сложный процесс, складывающийся из интерпретации и последующего воссоздания смысла оригинала. Словари в этом процессе помогают переводчику, но далеко не всегда могут предложить окончательное решение. В. Н. Комиссаров (2013, с. 187) обращает внимание на тот факт, что модели перевода носят условный характер и не могут полностью отразить всё многообразие реальной переводческой практики.

Таким образом, данные примеры иллюстрируют положение о невозможности адекватной передачи широкозначной лексики без детального анализа контекста с опорой на фоновые знания переводчика из военного дела. Ключ к адекватному переводу подобных текстов лежит во многом во внеязыковой плоскости, что прямо подтверждает тезис о том, что транслятология – самая «нелингвистическая» из лингвистических дисциплин.

Заключение

Проведённое исследование показало, что при переводе немецкоязычных военно-публицистических текстов выбор эквивалента определяется не столько лексическим значением исходной единицы, сколько в значительной степени контекстом её употребления, коммуникативной направленностью текста, а также экстралингвистической информацией в широком смысле. Особенно ярко данная зависимость проявляется при передаче широкозначной лексики. Анализ примеров перевода таких лексем, как *Fähigkeit*, *Waffe*, *Angriff*, *Schwerpunkt*, показывает, что эти слова ставят переводчика перед выбором между сохранением исходного значения, его генерализацией или конкретизацией. Конкретизация позволяет эксплицировать релевантные для русского языка компоненты содержания исходной единицы, в то время как генерализация передаёт общее содержание в случаях, когда детальная семантическая структура немецкоязычной лексемы не имеет прямого соответствия в переводящем языке или её сохранение нецелесообразно для достижения цели перевода.

Было установлено, что выбор трансформации непосредственно связан с характером денотативного содержания исходного слова или словосочетания. Методы контекстуально-семантического и контекстуально-прагматического анализа помогают определить, какой фрагмент ситуации действительности актуализируется в оригинале и каким образом он должен быть представлен в трансляте. В этом отношении генерализация и конкретизация представляют собой взаимодополняющие способы семантической реконструкции исходного текста.

Существенную роль играют и фоновые знания переводчика. Нередко адекватный перевод возможен только при учёте предметной области, культурно-исторического и военно-политического контекста. Применение семантической и денотативной моделей перевода позволяет наиболее точно объяснить выбор переводческих решений при передаче военно-публицистических текстов. Полученные результаты указывают на то, что адекватность перевода возможна при условии установления соотношения между денотативным содержанием исходной лексемы и её контекстуальной актуализацией. Перспективным направлением исследования может стать включение в научный оборот эмпирического материала редких и восточных языков, а также систематизация военной лексики для разработки универсальных критериев выбора между генерализацией и конкретизацией в практике перевода на русский язык.

Материалы исследования | Research materials

1. Плехов А. М., Шапкин С. Г. Словарь военных терминов – онлайн-издание, 2798 слов. https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/
2. Ausrüstung der Luftwaffe 2026: Bestände, Lücken, Beschaffungen. https://www.youtube.com/watch?v=PDo-jAqQxyw
3. Der Winter naht! Österreichs Bundesheer. https://www.youtube.com/watch?v=Hxj2H9w8qeE&t=238s
4. Diskussion um INF-Vertrag: Geht es eigentlich um China? https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/diskussion-um-inf-vertrag-geht-es-eigentlich-um-china-15857880.html
5. Iran bereitet sich technisch auf Scheitern des Atomdeals vor. https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/iran-bereitet-sich-technisch-auf-scheitern-des-atomdeals-vor-15627091.html
6. Iran-Krieg: Angriffe auf Öl- und Gas-Anlagen – Und Frühjahrsoffensive in der Ukraine | ZDFheute live. https://www.youtube.com/watch?v=Hf6nN8mDFFg
7. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Langenscheidt, 2003.
8. USA wollen Irans Hormus-Blockade militärisch lösen – Warum das kompliziert ist | ZDFheute live. https://www.youtube.com/watch?v=1gWYNeLdKsQ&t=362s
9. Wegweiser durch die Bundeswehr. Herausgeber: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsstab, Nachwuchswerbung. Bestell-Nr. 1301.

Источники | References

1. Банман П. П. Когнитивная информация: средства выражения и специфика их перевода (на материале военно-публицистических текстов бундесвера) // Военно-филологический журнал. 2025. № 4.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. Изд-е 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

3. Бойко Б. Л. Военная лексика и военная терминология в словарях и текстах различных функциональных стилей // Военно-филологический журнал. 2022. № 3.
4. Брандес М. П. Стиль и перевод: на материале немецкого языка. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: КДУ, 2006.
6. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. Изд-е 10-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
7. Кабакчи В. В. Прагматика иноязычия // Прагматический аспект предложения и текста: межвузовский сборник научных трудов. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990.
8. Комиссаров В. Н. Слово о переводе: очерк лингвистического учения о переводе. М.: Международные отношения, 1973.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013.
10. Сёмина И. А. Когнитивно-функциональное описание широкозначных имён существительных. Антропонимы французского языка. М.: Тезаурус, 2013.
11. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. Изд-е 5-е / отв. ред. Т. Л. Канделаки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
12. Татаринов В. А. Методология научного перевода: к основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007.
13. Цвиллинг М. Я. Качество перевода научно-технических текстов и проблема выбора эквивалента // Хрестоматия по переводоведению / сост. Л. И. Сидорова, В. И. Тхорик. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004.
14. Цвиллинг М. Я. Переводческие «сюрпризы». Непредсказуемое в устном переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2006. № 2 (10).
15. Чиркин И. С., Шляховой Д. А. Специфика военной лексики национальных вариантов немецкого языка // Военно-филологический журнал. 2022. № 4.
16. Reiss K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik (Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen). München: Max Hueber Verlag, 1978.
17. Reiss K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984.
18. Stolze R. Die Kategorien des Übersetzens – Hermeneutik und Textlinguistik // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachenunterricht. Neue Beiträge zu einem alten Thema / Hrsg. von F. G. Königs. München: Goethe-Institut, 1989.
19. Wilss W. Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1977.
20. Wilss W. Kognition und Übersetzen: zu Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung. Tübingen: Niemeyer, 1988.

Информация об авторах | Author information

RU

Цепков Илья Викторович[1], к. филол. н.
[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

EN

Ilia Viktorovich Tsepkov[1], PhD
[1] MGIMO University, Moscow

[1] *eliyyah@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.08.2026; опубликовано online (published online): 30.10.2026.

Ключевые слова (keywords): теория перевода; семантическая модель перевода; денотативная модель перевода; военный перевод; широкозначность лексики; translation theory; semantic translation model; denotative translation model; military translation; broad semantic range of vocabulary.